

Сергей БОРОВИКОВ

ВЕСЁЛЫЕ ПОМИНКИ

Геннадий Красухин. Мрамор и глина. Из литературного календаря современных писателей. – М.: Зебра Е, Галактика, 2020. – 664 с.

Автор так предваряет книгу: «Почти пятьдесят лет я работал в печати. Кроме того, преподавал в Литературном институте и в Московском педагогическом государственном университете. В Союз писателей был принят в начале семидесятых. Многих литераторов знал лично. О них, своих современниках, я и рассказываю в этом своеобразном календаре.

Разумеется, мои персонажи не равноценны – ни художественно, ни нравственно. Одни, возможно, достойны мраморных памятников. А на некоторых я и глины бы пожалел».

А в конце книги есть именной указатель. Не знаю, считал ли сам Красухин число своих персонажей, но я не поленился: 278! И это только писатели или авторы публикаций, а не просто упоминаемые в книге, скажем, Хрущёв или Брежнев.

Не всех писателей автор знал лично, есть в книге и Булгаков, и Эренбург, и Симонов, чьи даты пришлись на календарь, но большинство это те, с кем автор если и не дружил, так общался. Полвека в столичной литературной печати, а стало быть и тусовке, это вам не кот начхал.

Допускаю, что иной читатель, заметив, что известных литераторов Красухин независимо от их возраста часто именуется Петями и Стасиками, и даже Леонид Генрихович Зорин для него – Лёня, может заподозрить моего друга в некотором фанфаронстве. Но ведь и сам он на пороге восьмидесятилетия остаётся для многих Геной, с которым я знаком с 1972 года.

Начну с замечания.

Вспоминая литературных долгожителей, Красухин подытоживает: «была огромная жизнь». Не согласен: по моему убеждению, «огромная» приложимо лишь к жизни только яркой, замечательной, а не наполненной интригами, предательствами и доносами. Считаю, что не огромную, а просто долгую жизнь прожили (иду по Указателю) М. Алексеев, С. Бабаевский, М. Бубеннов, Н. Вирта, А. Иванов, Е. Исаев, Г. Климов, В. Кочетов, Ф. Кузнецов, А. и Г. Марковы, Н. Палькин, П. Проскурин, Р. Самарин, С. Сартаков, В. Смирнов, А. Софронов, А. Сурков, В. Федоров, Ф. Чуев.

Начинается книга энергично, с ресторана ЦДЛ, где поэт Анатолий Жигулин, много плохого от советской власти претерпевший, пытается побить любимца этой власти поэта Василия Фёдорова, за то что тот «пустил сплетню, что Жигулин сидел не по антисоветской, а по уголовной статье: был якобы заурядным карманником». Не успевает, потому что, «отодвинув Толю со словами: “Это тебе за моего друга, падла!”», друг Жигулина и тоже поэт Павлинов «ударил Фёдорова в лицо с такой силой, что тот покатился по залу и недвижно затих у чьих-то ног».

Подобных историй в книге немало, но не стоит думать, что вся она из них и состоит. А вот с юмором у Красухина всегда порядок.

Автор связан жанром календаря, отсюда и вполне нейтрально-справочные тексты к иным датам, что мне понятно, т.к. сам в 2001-2002 году заполнял аналогичную рубрику «Хронос» в журнале «Общественное мнение», которая доставляла немало забот. Готовится номер такого-то месяца, а подходящей круглой даты к нему нет, вот и изворачиваешься.

А часто Красухину удаётся из ничтожнейших фигур извлечь специфический союзписательский смысл. Поэт Игорь Ляпин находится в именном списке между Исидором

Маклярским и Алексеем Лосевым, который пояснений не требует, а крупный чин НКВД Маклярский был автором сценариев культовых для своего времени фильмов «Подвиг разведчика» и «Ночной патруль». О заслугах Игоря Ляпина написал его идейный единомышленник старый литературный интриган А. Байгушев: «Ляпин – прекрасный русский человек. Он много успел сделать. Но один в поле не воин. Еврейское лобби его постоянно ело поедом, а поддержки сверху было ноль. Так мы не сумели “обрусить” еврейскую “Детскую литературу”».

Ну, и хрен бы с ним, с этим Ляпиным, которого я тоже знал – антисемит-стихоплёт, каких было много, но у Игоря была в биографии важная отметина – женитьба на дочери столь же бездарного, но секретаря правления СП СССР по издательствам Сергея Сартакова. А что это тогда значило, на живом примере показывает Красухин. Когда в ЛГ по его разделу автор статьи о «Дне поэзии» с насмешкой отозвался о стихах сартаковского зятя, Чаковскому «тут же позвонил Марков и устроил скандал». И газета вмиг поместила извиняющуюся реплику.

Вот ещё славный эпизодик.

«Не знаю, забыт или нет сейчас смоленский поэт Николай Иванович Рыленков, скончавшийся 23 июня 1969 года (родился 15 февраля 1909-го). Я не о читателях говорю. Наверняка большинство из них о нём даже не слышало. В апреле 1968 года я поехал в гостиницу “Россия”, где остановился Николай Рыленков. Дело шло о какой-то его статье: что-то в ней не удовлетворило начальство “Литгазеты”, и я её сильно переписал. Теперь требовалось согласие автора, который выразил желание прочитать гранки, но сказал, что слегка простужен, приехать не может и лучше, если я приеду к нему с лекарством.

– С каким лекарством? – не понял я. Рыленков хмыкнул:

– Плачу я. Просто не хочется переплачивать: в ресторане оно стоит дороже.

Я понял.

Явился к нему с двумя бутылками водки. Но на стол поставил только одну: поэт явно уже был разогрет.

Гранки Рыленков подписал, не читая.

Не успели мы закусить очередную порцию, как в дверь по стучали.

– Это Женя, – сказал, поднимаясь со стула, Рыленков, – входи, дорогой!»

(Это был любимый автор журнала «Волга» в пору редакторства Н. Палькина критик Евгений Осетров. – С.Б.).

За выпивкой заходит речь о поэме «Василий Тёркин».

«– Очень сильная, Коля, вещь, – убеждённо ответил Осетров, – выражающая душу русского крестьянина. А что сейчас?»

– А сейчас, – сказал я, – “Из лирики этих лет”. Великая книга.

– Великая? – вскричал Осетров. – На уровне “Василия Тёркина”?

– По художественной силе – на уровне, – ответил я. – Помните “Памяти матери”? А “Перевозчик-водогребщик”?

– Неплохие стихи, – согласился Осетров. – Но на них лежит отсвет нынешнего окружения Твардовского.

– Сионистского, – уточнил Рыленков.

– Да, – согласился Осетров. – Не поддайся Твардовский этим своим сионистам в “Новом мире”, ему бы и сейчас как поэту цены не было.

– Почему именно сионистам? – удивился я. – Кто именно в “Новом мире” сионисты?

– Вот так вопрос! – Осетров изумлённо развёл руками. – Да вы откройте справочник Союза писателей и проверьте имена-отчества авторов, допустим, критического раздела журнала Твардовского. Там давно уже сформировалось сионистское лобби.

– Крепкое, – подтвердил Рыленков, – сплочённое, продвигающее друг дружку! Кстати, вы недавно в “Литгазете”. Заметили, наверно, сколько там сионистов?

Неудивительно, если во главе стоит Александр Борисович Чаковский. А он...

– Он не сионист, – сказал я, – он еврей».

Еврейская тема, естественно, постоянна в книге. И, как правило, даже в заигранных сюжетах вроде дискуссии о литературных псевдонимах, Красухин оригинален: «Меня всегда сместило, что Иосиф Яковлевич Сиркес взял себе псевдонимом знатную боярскую фамилию. Понятно, из чего исходят люди, когда берут себе псевдонимы: Горький, Голодный, Бедный, Приблудный. Даже Светлов и Жаров. Но Колычев – это чуть ли не объявить себя претендентом на русский трон».

Есть и о саратовских писателях.

«Густой едкий дым вранья поднимался от рассказов о себе хорошо прикормленных советской властью писателей» – так начинается рассказ о проделках Михаила Алексева. Вспоминает Красухин, с небольшими неточностями, и историю со снятием с «Волги» Николая Палькина.

Что до Григория Коновалова, то не стоило бы столь категорически утверждать, что тот был не писателем, а только членом Союза писателей. Нет, недаром некогда сам Бабель оценил талантливость молодого Коновалова. И ещё не стоило всерьёз относиться к воспоминаниям поэта Валентина Сорокина о рассказах Коновалова про его якобы встречи со Сталиным. «Это очень любопытно, потому что нигде в Интернете я не нашёл упоминания о том, что Коновалов работал в ЦК партии. Стесняются, что ли, указать работу Коновалова в ЦК его биографы?» Но саратовцы и не такое от выпившего Григория Ивановича слыхивали, например, как отбил невесту у Михаила Андреевича Сулова...

Литературный ландшафт тех лет мне, конечно, хорошо знаком, хотя и в несравнимо меньшем объёме, чем Красухину. Не буду более останавливаться на конкретных фигурах, замечу лишь, что с некоторыми оценками автора «Мрамора и глины», скажем, поздней прозы Валентина Катаева, я не согласен, В целом же Гена так же благожелателен в своем календаре, как и в общении. Иногда чересчур. Мне не по душе его мнение о малоуважаемом мной критике Валентине Оскоцком, заметку о котором сам же Красухин начинает с убийственного примера. Оскоцкий напечатал в ЛГ рецензию, где было и такое: «← Ну как можно, – спрашивал Оскоцкий, – было приписать Лермонтову такие графоманские строчки:

Наедине с тобою, брат,

Хотел бы я побыть:

На свете мало, говорят,

Мне остаётся жить!»

Никакой перестроечный прогрессизм этого критика не может искупить его абсолютной литературной глухоты.

Ещё позволю себе задержаться на литературном сюжете, который меня, как и Красухина, давно занимает. Он относится к великой поэме Сергея Есенина «Чёрный человек». Много лет ведётся спор вокруг утвердившегося ошибочного напечатания строки «Ей на шее ноЧи маяЧить больше невмоЧь...», когда правильным утверждается не «ноЧи», а «ноГи»: «на шее ноГи», как было в первой новомирской публикации 1926 года. Красухин рассказывает о своей борьбе за публикации на эту тему В. Вдовина, негодует на тупое упорство комментаторов академического собрания поэта.

В заключение поделюсь своими размышлениями над определением жанра книги Красухина.

Сперва склонялся к излюбленному жанру знаменитого саратовского писателя Арбитмана-Гурского: путеводитель, но у меня уже была статейка о дневниках Корнея Чуковского – «Лукавый бедкер».

Затем возникло «Записки хроникера». Моё пристрастие к этому слово давнее, оно возникло из любви к «Бесам», где повествователь всё видит, всё знает, со всеми знаком, но сам в стороне, и всё же определять так моего друга – это чересчур. А поскольку его

календарь то и дело оборачивается воспоминаниями, на ум пришла статья Виктора Ерофеева в ЛГ (1990) «Поминки по советской литературе». Вполне подходит книге Геннадия Красухина.